

Михаил Веллер

МОН ЖЕНЕРАЛЬ

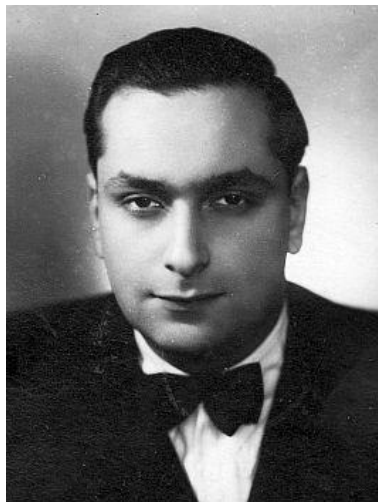
Опубликовано в журнале «Октябрь», 2009, №11

Отрывок.

[Рассказ основан на достоверном событии. Дядя С. Левина (брат матери) Б. Rogовский действительно жил в Париже и, как участник Сопротивления, был знаком с Шарлем де Голем. МР]

2. Здрасьте, я ваш дядя

Итак, молодой специалист Симон Левин, выпускник Тартуского университета, работает себе в юридической консультации, медленно набирает опыт и параллельно – собственную клиентуру и еще не умеет зарабатывать ничего, кроме зарплаты. Война позади, гонения на космополитов позади, смерть Сталина позади. Слава богу, настало время, когда можно хоть как-то жить.

И тут у него дома звонит телефон. И голос телефонистки говорит:

– Ответьте Парижу.

Парижу? Почему не Марсу? Это были времена, когда для звонка в другой город люди заранее занимали очередь на городском междугородном переговорном пункте и орали в трубку так, что на том конце можно было слышать без телефона. А родственник за границей квалифицировался как измена Родине.

И он слышит в трубке:

– Симончик, это ты? Как ты себя чувствуешь? Как ты живешь, мой мальчик, расскажи же мне.

- Кто это? – ошарашенно спрашивает он.
- Кто это, – горько повторяет трубка. – Ты что, меня не узнаешь?
- Нет... простите...
- Он уже на “вы”. У тебя что, осталось так много родственников? Ну! Я хочу, чтобы ты меня узнал.
- Я... не знаю...
- Таки что я могу сделать? Я тебя прощаю. Это я! Ну?
- Кто?..
- Конь в пальто! – раздражается трубка. – Говорится так по-русски, да? Это твой дядя Фима! Эфраим! Брат твоего отца! Сколько было братьев у твоего отца, что ты меня не помнишь?
- Дядя Фима... – растерянно бормочет Симон, с тоской соображая, что близкий родственник за границей, в капиталистической стране вот сейчас вот, вот в этот самый миг, бесповоротно испортил ему анкету и будет стоять всей последующей карьеры.
- Ты мне рад? – ревниво осведомляется дядя.
- Я счастлив, – неубедительно заверяет Симон. – Какими судьбами? Откуда ты?
- Я? Из Парижа.
- Что ты там делаешь?
- Я? Здесь? Живу.
- Почему в Париже? – глупо спрашивает Симон, совершенно не зная, как поддержать разговор с родным, но оттого не менее забытым дядей.
- Должен же я где-то жить, – резонно отвечает трубка.
- Ну, расскажи же о себе! Сколько тебе лет? Ты женат? У тебя есть дети? Кем ты работаешь?

B. Rogovsky in Estonia

По молодости Симону особенно нечего рассказывать. Мама умерла в эвакуации, папа погиб на фронте, остальных в оккупации расстреляли, живу-работаю.¹

На том конце провода дядя плачет, сморкается и говорит:

– Послушай, я хочу, чтобы ты приехал ко мне в гости. Говорил я вам, еще когда они в Эстонии в тридцать восьмом году приняли эти свои законы, что надо валить оттуда к чертовой матери. Вот вы все не хотели меня слушать. А теперь у меня нет на свете ни одного родного человека, кроме тебя. Ты слышишь?

– Да, спасибо, конечно, – на автопилоте говорит Симон.

– Так ты приедешь? Я тебя встречу. Когда тебя ждать?

Симон мычит, как корова в капкане.

– Но, дядя, я же не могу так сразу!

– Почему нет?

– У меня работа... дела... у меня клиенты!

– Возьми отпуск. Клиенты подождут. Объясни им, они поймут, что у них, нет сердца?

И, вытащив клещами обещание вскоре приехать, дядя стократно целует и обнимает племянника.

– Вы окончили разговор? Отбой, разъединяю.

Симон смотрит на телефон, как на злое волшебство Хоттабыча.

И ходит на работу с чувством врага народа, которого вскоре постигнет неминуемая кара. Ждет вызова куда надо. Там всё известно. Там всё знают. Скрытый родственник в капстране! Следующее по тяжести преступление – поджог обкома партии.

Проходит месяц:

– Ответьте Парижу.

И Симон отвечает, что занят нечеловечески и, кроме того, болен.

¹ В действительности А. Левина (Роговская) умерла в Таллинне в 1992 году, отец – С. Левин был убит в 1941.

– Чем ты болен? – тревожится дядя. – Так, может, нужно прислать тебе какие-нибудь лекарства? Все равно приезжай, у меня здесь есть хорошие знакомые врачи.

– Да-да, обязательно, вот только калоши сейчас надену.

– Калоши не надо. В Париже сейчас никто не носит калош.

В консультации Симону кажется, что все косятся ему в спину...

При третьем звонке он начинает объясняться ближе к правде жизни:

– Дядя, по советским законам это делается не так! В Советском Союзе плановое социалистическое хозяйство, планирование доходов и расходов, в том числе валютных...

– Тебе нужны деньги? – перебивает дядя. – Я тебе пришлю. А что, юристам у вас не платят за работу? Ты работаешь или нет, скажи мне честно!

– Не в деньгах дело... – стонет Симон. – Просто у нас полагается, если человек едет в гости за границу, чтобы ему сначала прислали приглашение.

– Какое приглашение? – удивляется дядя. – Я же тебя приглашаю? Письменное?

Через полтора месяца Симон получает письмо с кучей ошибок: дядя приглашает племянника в гости.

– Нет, – терпеливо разъясняет он, – приглашение должно быть не такое.

– А что плохо?! Какое еще?..

– Ну, чтобы оно было официально заверено в МИДе Франции или где там еще, с печатью и подписью, по установленной форме. Надо обратиться к юристу, тот все расскажет.

– На кой черт все это надо?! – взрывается дядя.

– А хрен его знает, товарищ майор, – меланхолично сочувствует родственнику Симон. – Чтобы был во всем порядок.

– Такой порядок при немцах назывался “орднунг”! – зло говорит дядя. – Ничего, мы им показали “орднунг”! Кстати, с чего ты взял, что я майор? Ты так мелко обо мне думаешь? Или это ты... не ко мне обращался? – вдруг догадывается он. – Там у тебя кто-то есть?..

– Это присказка такая, – отмахивается Симон, и невидимый майор, как далекий домовый в погонах, следит за ним из телефонной мглы. Боже, что за наказание! Ну как ты ему по телефону объяснишь, что все международные переговоры, да еще с капиталистическими странами, обязательно прослушиваются? Что все международные письма обязательно читаются цензурой, оттого и ходят по два месяца?

Через два месяца, к приходу официального приглашения, он уже знает о дяде все, как о родном. Обо всех его болячках. О том, что от круассанов утром у него запоры. О том, что он живет на авеню де ля Мотт-Пике, на шестом этаже с лифтом и видом на Эйфелеву башню. О том, что по субботам он ходит в синагогу, но не всегда.

– Так теперь уже я могу в субботу тебя встречать? – радуется дядя. – Это приглашение тебя устроит?

Это даже поразительно, какая мертвая хватка бывает у некоторых ласковых стариков!

Симон объясняет (а сам непроизвольно представляет кагэбэшника, который все это слушает, и старается выглядеть перед ним как можно лояльнее: это было свойственно всем советским людям при любых международных переговорах!), что по советским порядкам полагается, чтобы ехать за границу, быть человеком семейным. (И оставлять семью дома... нет, не то чтоб в заложниках...) А вторых, сначала полагается съездить в социалистическую страну. Так что он должен сначала поехать, летом, скажем, в отпуск, в Болгарию. А уже потом во Францию.

– У тебя с головой все в порядке? – не понимает дядя. – Симон, ты меня извел за эти полгода! Симон, я так долго тебя искал, наводил справки, получал твой телефон! А теперь ты говоришь, что тебе надо в Болгарию для того, чтобы приехать в Париж! Скажи, ты когда-нибудь видел карту Европы???! Ты не умеешь лгать, скажи мне, почему ты не хочешь приехать, и закончим этот разговор!

...Ночью Симону снится Париж. Он голубой и прозрачный. На завтрак горячие круассаны. Дядя – румяный старичок, который одновременно является хрупкой и до слез милой пепельноволосой девушкой – она уже жена Симона, и это она его и зовет.

Он просыпается со слезами на глазах, допивает коньяк из даренной клиентом бутылки, курит до утра, и смертная тоска по Парижу скручивает его.

Его не пустят в Париж никогда. Он холост, беспартиен, интеллигент, он еврей, и он никогда раньше не был за границей, даже в братской Болгарии. За границу вообще мало кого пускают. Да почти и никого. А уж таких, как он – никогда!.. Как

ты это дяде объяснишь? После таких речей с иностранным гражданином его мгновенно выкинут с работы и не возьмут уже никуда, только дворником. А еще недавно за такие речи расстреливали по статье “шпионаж” и “контрреволюционная деятельность”.

3. Увидеть Париж и умереть

И он идет в ОВИР, чтобы покончить со всей этой бодягой. И его ставят на очередь на прием, а потом – на очередь на рассмотрение заявления, а потом велят собирать документы, а потом еще одна очередь, чтобы получить перечень необходимых документов, а только потом выяснится, что там половины не хватало. А каждая очередь – это недели и месяцы, не считая часов и дней высиживания в коридорах.

Он попросил характеристику по месту работы, и родная консультация на удивление холодно отозвалась о его ограниченных способностях и невысоком моральном уровне.

Профком отметил его низкую социальную активность, а спортком – слабую спортивную подготовку и уклонение от мероприятий.

Отдел кадров трижды отказывался ставить печать, требуя перепечатать все по форме и поставить подписи в надлежащих местах.

По вторым и четвертым средам месяца собиралась районная парткомиссия, бдительно утверждавшая идеологическую зрелость выезжантов. Не молотилка, не мясорубка, но душу вынимала до истерики.

– Вы член партии? – с иезуитской доброжелательной вежливостью спрашивают его. – А как же вы претендуете на поездку в капиталистическую страну, в среду враждебного нам идеологического окружения? Там ведь возможны любые провокации, любые идеологические дискуссии! Не в составе группы?.. Без сопровождения?! Индивидуал?! Вот видите... тем более.

О, эпопея натурале! Вояж совка за границу! Пустите Дуньку в Европу! Облико морале! Уно грано кретино руссо! Хоть одним глазом, одной ногой!

Выстроенные в последовательность инстанции сплетались в сеть филиалов сумасшедшего дома. Требования психиатров поражали непредсказуемостью.

У него попросили свидетельство о рождении его дяди – причем подлинник. И свидетельство о рождении отца – чтоб подтвердить родство.

– Ну что значит – сгорели в сорок четвертом году? Вы ведь понимаете, что это не объяснение. Пусть вам выдадут справочку в архиве по запросу домоуправления. Ничего, значит, обратитесь еще раз, пусть они войдут в положение. Как же без документов мы можем удостовериться в родстве лица, приглашающего вас?

В ОВИРе стали напирать на наилучшее решение этого сложного вопроса: а пусть лучше дядя сам едет сюда, раз так рвется к племяннику. А какие у племянника жилищные условия? М-да... Ну... А пусть они оба встретятся в Москве! В гостинице! В хорошем советском интуристовском отеле, да.

– Он болен, – повторяет Симон. – Он уже давно никуда не выезжает.

– Так он вас что, для ухода приглашает? А что будет, если, допустим, он захочет усыновить вас? Или напротив, предложит вам оформить над ним опеку? (Ты, тварь, будешь жировать там – а нас за тебя вздрючат здесь?)

С каждой справкой сказка про белого бычка прибавляет главу.

Он у вас кто, вы говорили? На пенсии. А средства есть? Состояние? Богатый человек? Так это все облегчает! Мы можем обеспечить ему прекрасный уход! Санаторий в Крыму, Минеральные Воды. Наш Внешбанк сам свяжется с его банком, вы узнайте номер счета. Поговорите с ним, у нас пенсионерам прекрасно.

Нет-нет, вынесли окончательный вердикт. Самое милое дело – пусть приедет, и мы оформим здесь по всем законам опеку над ним.

“Он заболел, а не охренел!” – скачет истеричный анекдот из Симона.

Мы думаем, вы сами понимаете, что говорить о вашей поездке во Францию пока преждевременно. Да, когда составите приглашение вашему дяде, принесите нам показать... посоветоваться.

Тому полгода, и Симон валит дяде, что пока у него временные трудности.

– Я не понимаю, – нервничает дядя, – нужно что-нибудь еще? Ты от меня ничего не скрываешь?

И Симон нудно брешет, что очереди большие, что преимущества работникам со стажем, что документы сгорели во время войны и что процедура это небыстрая!

– Может быть, я могу чем-нибудь помочь тебе? – печально спрашивает дядя.

– Чем тут можешь, – вздыхает Симон и успокаивает: – Ничего, даст бог все устроится. – И вспоминает рекомендации овировцев. – А не хочешь ли ты приехать в Москву и встретиться со мной там? – весьма фальшивым тоном спрашивает он.

– Ага, – говорит дядя. – Не тебе в Париж, а мне в Москву? Интересная идея. После войны Лео Трепер меня не послушал и уехал в Москву. Недавно я получил весточку, что он вышел из сибирских лагерей. Скажи, это ты сам придумал? Только сейчас?

И дядя сухо прощается. А Симон не знает о разведчике Трепере.

4. Невыносимая сладость бытия

Через две недели звонит треснутый телефон на обшарпанной стене в коридоре:

– Товарищ Левин? Здравствуйте, Симон Рувимович. Это вас беспокоят из Комитета государственной безопасности. Майор Ашурков. Симон Рувимович, есть ли у вас сейчас возможность разговаривать? Я вас ни от чего не отвлекаю?

– Н-нет, – говорит Левин и выпрямляется по стойке “смирно” с государственным лицом, но ватные ноги складывают его на сундучок под стенкой.

– Симон Рувимович, в какое время вам было бы удобно зайти к нам, чтобы побеседовать? – утонченно издевается голос.

– В-в-в какое скажете... – докладывает Левин.

– Но вы ведь заняты все рабочие дни в юридической консультации, мы не хотим нарушать ваш рабочий распорядок.

– Э-э-э... – блеет Симон в полном ошизении. – Н-н-ничего... пожалуйста... конечно...

– Не следует откладывать, – мягко настаивает голос. – Завтра в четыре часа дня вас устроит? А сегодня? В три? А в час? Паспорт с собой возьмите, пожалуйста, пропуск будет заказан. Мы ждем вас по адресу... ул. Пагари... Куда прислать за вами машину? Близко? Как вам удобнее.

Вот и засекался крючок. Открасовался молодой юрист, чей не надо родственник.

– Что ж, – вздохнул он, – это лучше, чем если тебя берут ночью из постели.

Он сел, встал, еще сел, еще встал, свет включил, выключил, в консультации сидел как пыльным мешком шлепнутый и к нужному часу достиг полной товарной спелости: зеленый снаружи и с мелкой дрожью внутри.

В подъезде за зловещей вывеской, в чистом вестибюле, ему выдали пропуск взамен паспорта и забрали на хранение портфельчик, где была сменка белья, тонкий свитер и умывальные принадлежности, плюс три пачки чая, папиросы и кулек конфет. Симон хорошо знал, что надо брать с собой при аресте.

Вежливый лейтенант проводил его на второй этаж.

– Входите, Симон Рувимович, – встал навстречу от стола приятный мужчина в штатском. – Очень рад познакомиться с вами! – В меру крепко пожал руку. – Присаживайтесь. Чаю хотите? Курите?

Левин двигался, как стеклянный. Он сел, звякая пронзительным колокольчиком внутри головы, и непонимающе уставился на стакан крепкого чая с лимоном и открытый серебряный портсигар с “Беломором”.

– Итак, вы хотите поехать в Париж, – доброжелательно начал комитетчик, которого Симон про себя окрестил полковником. Это прозвучало как “ИТАК, ВЫ ХОТИТЕ ИЗМЕНИТЬ РОДИНЕ”.

“Уже никто никуда не хочет”, – с истерическим смешком мелькнуло у Симона...

– Д-да, собственно... и нет, – мучительно сопротивлялся он затягиванию себя в преступный умысел измены родине.

Полковник подвинул ему портсигар и поднес спичку, Симон послушно закурил, выпучил глаза и задохнулся.

– Не волнуйтесь, – сочувственно сказал полковник. – Мы здесь для того, чтобы помочь вам.

Сейчас войдет палач с набором пыточных инструментов.

– На ваше имя пришло приглашение в гости из Франции, – полковник переждал его кашель. – Из Парижа.

– Я не просил... – просипел Симон. – Это дядя... Клянусь, я не знал! В смысле, не просил!

– Когда вам хотелось бы поехать? – Полковник разглядывал его с задумчивым видом, иногда даже чуть кивая собственным мыслям.

– Не знаю... Я еще не думал!

– Возможно, прямо в эту пятницу?

– У меня же работа! – с некоторым даже осуждением возразил Симон, чувствуя себя в этот миг преданным гражданином.

– Ну, возьмете отпуск. Вам дадут, я не сомневаюсь, и не за свой счет, а как полагается, с выплатой отпускных.

До Симона наконец дошло. Паранойя. Бред навязчивой идеи расколол сознание. Чтобы сойти с ума, долго пить не обязательно. Отсюда его увезут в желтый дом... а он будет воображать себя в Париже...

Он побелел.

– Или вы предпочитаете весной? Или летом? – любезнейше продолжал выяснять полковник.

Он снял трубку и раздраженно бросил:

– Ну где он там?

Вошел фотограф и снял Симона, велел сесть на стуле ровно и смотреть в объектив.

– А в профиль? – стал помогать Симон и повернулся боком для второй фотографии.

– В профиль не надо, – приказал полковник.

Утонченная издевка заключалась в том, что ехать Симону предстояло в Магадан, и он прекрасно это понимал. Об играх КГБ страна было наслышана.

– Или вы хотели бы поехать весной? Или летом? – рассыпался полковник. – Но чисто по-человечески, наверное, чего откладывать, правда? Ну, несколько дней на неизбежные формальности... – он посмотрел на табель-календарь: – А вот, хоть суббота второе число, вас устроит?

– А-а-а... да, конечно... Как скажете, я готов... – сказал Симон.

– Хотя можно и быстрее!

Он стал бессмысленно улыбаться и часто кивать. Захотел перестать кивать и не смог остановиться. Полковник вздохнул и деликатно стал смотреть в окно.

– А вы бы хотели как ехать – поездом? Или самолетом? – продолжал он глумиться. – Возможно, паромом до Хельсинки и оттуда поездом? Или можно из Ленинграда до Стокгольма или до Лондона, а там на самолет до Парижа.

На дальней стене кабинета висела карта мира, и хозяин развивал урок географии, взяв указку:

– Конечно, короче и проще всего прямым рейсом из Москвы – и прямо в Париж. А если в Ленинграде сесть в беспересадочный вагон Ленинград – Париж, то можно через Минск, Варшаву, Берлин – это двое суток через всю Европу, прекрасная поездка.

Вошла плавных очертаний женщина, туго затянутая в юбку и пиджачок, и велела Симону подписать вот здесь. И вот здесь. Он хотел понять, что он подписывает, но, ясно видя бумаги и читая буквы, не мог понять смысла ни одного сочетания. Его мыслительные способности были парализованы.

– Ну, вот и отлично, – сказал полковник. – Если вам подходит завтрашний рейс “Аэрофлота” из Москвы, то к вечеру вам доставят ваш загранпаспорт с французской визой и билеты.

При этих словах Симон понял, что он подписывал. Это был загранпаспорт с его фотографией и его фамилией.

– ...Вы, наверное, последнее время много работали и переутомились, – сказал полковник, поднимая его с пола и брызгая водой в лицо. – Вот и отдохнете. Кстати, в нашей поликлинике прекрасный невропатолог, хотите, я сейчас позвоню?

Он проводил его до двери и подержал под локоть:

– Я бы как мужчина мужчине порекомендовал вам сшить новый костюмчик. Все-таки Париж, вы знаете. О, успеют, в мидовском ателье обычное дело за полдня выезжающему шить. Вас уже ждут.

...Он шел домой как зомби. Робот утерял ориентацию в пространстве. Так могла бы перемещаться статуя Командора, забывшая адрес Доны Анны. Город раздвигался, вращался и смыкался за ним.

Дома он закрыл дверь, задвинул шторы, выпил стаканом дареный коньяк и уставился в стену. Он был трезв, он был невменяем, он представлял собой стоп-кадр истерики, законсервированной до температуры вечной мерзлоты.

Он пытался анализировать свое сумасшествие, но мысли соскальзывали с оледенелого мозга.

Потом зазвонил телефон.

5. Контрольный звонок

– Здравствуй, мой мальчик, все ли у тебя в порядке? Але? Ты хорошо меня слышишь? Это я, твой дядя.

Слабо знакомый голос поднимал Симона из глухих глубин на поверхность, как натянутая леска вытягивает рыбку. Он медленно осознал себя в мире и сказал:

– Это я?..

– Удалось ли тебе что-нибудь сделать? – продолжал дядя.

– В каком смысле? – тарачил глаза тупой молодой адвокат.

– В смысле твой приезд ко мне – тебе пошли навстречу? Или тебе по-прежнему отказали? Так ты скажи мне. Але! Але! Почему ты молчишь?

– Я не знаю, что произошло, – истерически хихикнул Симон, – но, наверное, я прилечу к тебе завтра. “Аэрофлотом”. Из Москвы. В Орли.

– Это точно?

– Не знаю. В КГБ мне так сказали.

– В КГБ? Что у тебя случилось?.. Но ты дома, тебя не арестовали?

– Я не знаю!!! – заорал Симон. – Я вообще ничего не знаю и ничего не понимаю!!! Мне дали загранпаспорт и сказали, что все сделают сами, и я могу лететь когда захочу, так что все в порядке, но вообще я не знаю, я чего-то не понимаю, это немного странно, это просто конец какой-то, но вообще вот, значит, решилось...

– Ага, – говорит дядя. – Значит, все-таки, помогло.

– Что – помогло?..

– А, не важно.

– Дядя, – страшным голосом говорит Симон. – Ты что-то знаешь?

– Ну, что-то я, наверное, таки знаю.

– Ты что-то знаешь про то, как меня выпускают? Ты что, вообще имеешь к этому отношение?

– К чему – к этому?

И Симон начинает пересказывать, к чему – “к этому”, и гадкие зябкие волны бегут по коже, когда он представляет, как сейчас сидит на проводе майор и слушает все его песни безумной сирены, летящие во враждебный мир капитализма.

– Значит, надо было поступить так раньше, – заключает дядя.

– Как – “так”? Ты что-то сделал? Что ты сделал?

– Я? Что я мог сделать? Я уже немолодой человек, я уже пенсионер. Я позвонил Шарлю.

– Какому Шарлю?

– Какому Шарлю я мог позвонить? Де Голлю.

Симон ясно увидел свое будущее: рукава смирительной рубашки завязаны на спине, и злые санитары вгоняют в зад огромные шприцы...

Он истерически хихикнул и спросил:

– Почему ты мне сразу не сказал, что шизофрения наш семейный диагноз?

– Тебя хотят принудительно лечить? – подхватывается дядя.

6. Офицеры и джентльмены

После предыдущего разговора с вьющимся от лжи и засыхающим от грусти племянником дядя, исполненный недоверия, пожал плечами и набрал номер.

– Канцелярия президента Французской Республики, – с четким звоном обольщает женский голос.

– Передайте, пожалуйста, генералу де Голлю, что с ним хочет поговорить полковник Левин.

– Простите, мсье? Господин президент ждет вашего звонка?

– Наверное, нет. А то бы поинтересовался, почему я не звонил так долго.

– Я могу записать просьбу мсье и передать ее для рассмотрения заместителю начальника канцелярии по внутренним контактам. Какое у вас дело?

– Деточка. Двадцать лет назад я бы тебе быстро объяснил, какое у меня к тебе дело. И знаешь? – тебе бы понравилось.

– Мсье!

– Мадам? Запиши: с генералом де Голлем хочет поговорить по срочному вопросу его фронтовой друг и начальник отдела штаба Вооруженных сил Свободной Франции полковник Левин! Исполнять!! И если он тебя взгреет – я тебя предупреждал! Ты все хорошо поняла?

– Ви, мсье.

Левин мечтательно возводит глаза, достает из шкафа папку и начинает перебирать старые фотографии.

Вечером звонит телефон:

– Мсье Левин? Вы готовы разговаривать? С вами будет говорить президент Франции.

И в трубке раздаётся:

– Эфраим, это ты? Что ты сказал Женевьев, что у нее глаза, будто ее любовник оказался эсэсовцем?

– Я сказал, что ты нравишься не только ей, но мне тоже. Шарль, у тебя найдется пара часов для старого друга? Или у президентов не бывает старых друзей?

– Оставь свою антигеббельсовскую пропаганду, Эфраим, война уже кончилась. Я действительно иногда бываю занят. Приезжай ко мне во вторник... в одиннадцать утра.

– И что?

– Я угощу тебя кофе с булочкой. Часа тебе хватит?

– А куда приезжать?

– Пока еще в Елисейский дворец, – хмыкает де Голль.

И к одиннадцати утра во вторник Левин является в Елисейский дворец, и его проводят в кабинет де Голля, и длинный носатый де Голль обнимает маленького лысого Левина и сажает за стол. И лично наливает ему чашку кофе.

– А где же булочка? – спрашивает Левин. – Ты обещал угостить меня кофе с булочкой!

– Я их не ем, – говорит де Голль. – И тебе незачем. Вредно. От них толстеют и диабет.

– Жмот, – говорит Левин. – Ты всегда был жмотом. Приезжай ко мне в гости, в моем доме тебе не пожалеют булочек. И масла, и джема, и сливок.

– Ты стал брюзгой, – говорит де Голль.

– А ты управляй лучше, чтоб подданные не брюзжали.

– Кого ты видел из наших за последние годы? – спрашивает де Голль, и они весь час вспоминают войну, сороковой год, Дюнкерк, Северную Африку и высадку в Нормандии.

Старинные часы в углу хрипло отбивают полдень, и де Голль спрашивает:

– У тебя была ко мне просьба, Эфраим?

– Это мелочь, – машет Левин, – но мне она очень дорога. У меня нашелся племянник в Советском Союзе, это единственный мой родственник. Всех остальных немцы уничтожили. Я хотел, чтобы он приехал ко мне в гости.

– Если тебе нужно на это мое разрешение, – говорит де Голль, – то считай, что ты его получил. А если серьезно, то пока я ничего не понял.

– Его не выпускают, – говорит Левин.

– Откуда?

– Оттуда! Из-за железного занавеса. Из СССР!

– На каком основании?

– Прости, я не понял – кто из нас двоих президент Франции? Ты спрашиваешь меня, почему русские никого не выпускают за границу?

Де Голль начинает шевелить огромным породистым носом злобно, вроде подслеповатого разъяряющегося носорога.

– Значит, – переспрашивает он, – всех остальных боши во время войны убили?

Левин пожимает плечами.

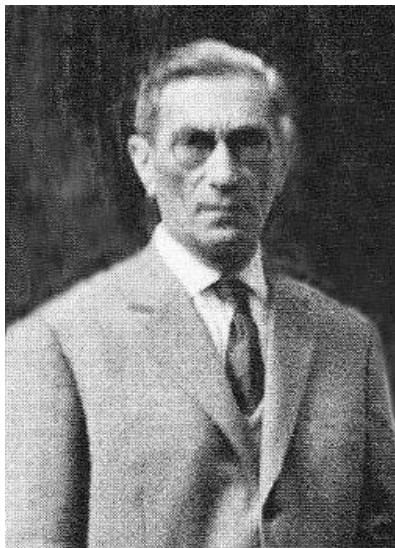
– Он у тебя вообще кто?

Левин рассказывает.

– Напиши-ка мне его основные данные.

Левин достает из кармана пиджака листок, разворачивает и кладет перед де Голлем.

– Соедините-ка меня с министром иностранных дел, – тяжело говорит де Голль. В трубке угадывается бесшумная суета. И через малую паузу он продолжает: – Это говорит генерал де Голль. У меня сидит мой старый друг, герой Сопротивления, кавалер Почетного Легиона, начальник отдела штаба Вооруженных сил Франции полковник Левин. Запиши. В СССР, в городе

Таллине, живет его племянник Симон Левин. Единственный родственник. Все данные у тебя сейчас будут. Его не выпускают в Париж к дяде. Безотлагательно разреши вопрос. На любом уровне. Нет, это не приказ президента. Это личная просьба генерала де Голля. Моя глубокая личная просьба. И сделай это быстро! И не позволяй русским садиться себе на голову!.. Иди, – говорит он Левину, жмет ему руку и провожает до двери. – Ты пересидел двадцать минут. Я помог тебе, чем мог. Будем надеяться, что подействует. Ну – посмотрим? – И подмигивает.

И Левин уходит с восторгом, подпорченным легким недоверием и неизвестностью.

7. Эмбриология мечты

А тем временем министр иностранных дел Франции звонит послу СССР в Париже. И заявляет жестко:

– Президент де Голль поручил мне поставить вас в известность об его личной просьбе. Он озабочен судьбой советского гражданина, являющегося единственным родственником героя Сопротивления, кавалера Почетного Легиона и его фронтового друга. Под надуманными предложениями его уже полтора года не выпускают навестить в Париже его больного дядю, кстати, большого друга Советского Союза. Да, все данные на этого молодого человека сейчас доставят в ваше посольство. Президент де Голль надеется, что этот неприятный инцидент не омрачит налаживающихся отношений между нашими странами. Да. Президент де

Голль не сомневается, что этот инцидент будет исчерпан в самое ближайшее время. Президент де Голль не уверен, что при таком недоверии друг к другу дальнейшие шаги к сотрудничеству не замедлятся.

На дипломатическом языке это можно истолковывать как скандал, нашпигованный матом и угрозами.

Послу не каждый день звонит министр иностранных дел Франции. А просьбы президента он ему и вовсе пока не передавал. Посол выпивает коньяку, выпивает валерьянки; вызывает первого советника, курит нервно. И звонит министру иностранных дел СССР. Лично Андрею Андреевичу Громыко. Мистеру “Нет”. Ибо случай экстраординарный.

Так и так, товарищ Громыко. Готов выполнить любое распоряжение. Но сам никакого решения принять не в силах. Личная просьба президента де Голля. Так точно! Подготовка к переговорам до настоящего момента шла успешно! В духе взаимопонимания и добрососедского сотрудничества! Никак нет, провокаций избегаем. Данные? Да, могу сию минуту диктовать секретарю. Никак нет! Слушаюсь! Виноват, Андрей Андреевич! Будет исполнено, товарищ министр!

– Соедини-ка меня с Семичастным, – приказывает Громыко секретарю. И своим ровным механическим голосом откусывает слова, как гильотина:

– Слушай, твои комитетчики совсем там охерели? Что? То, что они срывают наш договор с Францией! Как? А вот так!!! Мне сейчас мой посол передал из Парижа личную просьбу де Голля! Слышно хорошо? Личная просьба президента Франции де Голля к Советскому правительству: разобраться с мудаками Ваньки Семичастного, которые не пускают какого-то козла из Таллина в гости к его единственному дяде. Что? А то, что этот дядя – друг де Голля и Герой Франции! А фамилия его Левин, так еще мировые сионистские круги наверняка это дело накрутили. Провокация? А ты не подставляйся под провокацию, не первый год замужем!

Короче: уйми, Ваня, своих опричников и выпусти мне этого жиденка хоть в Париж, хоть на Луну. И больше не обсирай мне малину со своим государственным рвением! Да, будь любезен!

Семичастный кладет трубку, бьет кулаком по столу, материт всех, нашептывает угрозы непроизносимые и звонит в Таллин. Рвать в клочья заднепроходное отверстие председателю Эстонского КГБ.

– Бдишь, значит, – нежным голосом иезуита в пыточной камере начинает он. – Граница на замке, все просвечивается. Меры принимаются. Ну – готов? Можешь снимать свои штаны с лампасами и вставать раком! И вазелина тебе не будет! Сучий ты потрох, чтобы я из-за твоих мудаков получал втык от Политбюро! По Колыме тоскуешь? Ты, кретин, запоминай: у тебя там живет хрен с горы, которого

зовут Симон Левин. Где живет?! А вот найди и доложи!!! Чтобы он мигом – ты меня понял?! – мигом!!! – ехал у тебя в Париж! Летел! Мчался!!! Зачем? А вот разберись и доложи, зачем ему в Париж? Если есть Биробиджан?! И Магадан!!! Из-за тебя, идиота, по этому делу де Голль говорил с Громыкой, ты понял, блоха ты вонючая?! Не-ет, милый, это не высший уровень, это им высший, а для тебя этот уровень расстрельный! высшей меры!

Этот твой еврейский Левин – племянник лучшего фронтового друга де Голля! Что – не знал?! – обязан знать! Ты совсем дурак или кто? При Хозяине ты бы уже лежал в подвале с отбитыми яйцами и просил пулю в затылок!

Сутки тебе на исполнение! И делай все, что этот сын моисеев пожелает! Води его в синагогу... купай в шампанском!.. дрочи вприсядку! ты понял???!!!

...Когда врач откачал генерала от сердечного приступа, тот позаботился, чтобы начальник ОВИРа был увезен в больницу с гипертоническим кризом.

– Не сдохнешь – своей рукой расстреляю! – вопил он из окна вслед “скорой помощи”.

8. Спецсвобода

...Через полчаса у Симона Левина зазвонил телефон, и сладчайший голос нежно позвал его в КГБ, чтобы удовлетворить все его желания, как явные, так и тайные.

Французская виза, в свете ранее происшедших обстоятельств, была шлепнута в левинский паспорт комитетчиками в консульстве Франции в две минуты. Ставил ее консул лично.

Через двадцать четыре часа – !!! – Симон Левин спустился с трапа белоснежного и серебристого аэрофлотовского лайнера “Ил-18” в аэропорту Орли. Колени его вихляли, стан плыл волной, глаза стояли поперек лба. Он был в новом костюме. Он завертел головой, но из-за спины приблизился молодой человек в неброском сером плаще, под локоть провел его к дяде, встречавшему в толпе, и незаметно растворился.

Вот так знаменитый адвокат и член “золотой десятки” Симон Левин стал обладателем постоянного загранпаспорта с постоянно открытой выездной визой, что в те уже легендарные и непостижимые советские времена уравнивало его с небожителями и ангелами, над которыми земные границы и законы не властны.